

ВАРЛААМ (ВЫСОЦКИЙ) — ДУХОВНОЕ ЛИЦО ЭПОХИ ПЕТРОВСКОГО БАРОККО

Л. Б. Сукина

(Москва, Сергиев Посад, Переславль-Залесский, Российская Федерация)

Статья посвящена исследованию феномена «человека петровского барокко» на основе анализа биографии и текстов видного церковного деятеля этой эпохи Варлаама (Высоцкого). Работа выполнена в русле антропологического подхода к культуре барокко, сложившегося в работах европейских и отечественных исследователей в последние полвека. Для решения поставленной цели привлекаются методы просопографии, биографики, источниковедения. Опираясь на материалы историографии и исторические источники, автор пытается реконструировать «габитус» духовного лица эпохи петровского барокко, выделить характеризующие его черты, среди которых важнейшими представляются близость к государственной власти, административная активность, деятельное отношение к благочестию, навыки участия в придворных и церковных интригах, высокая приспособляемость к меняющейся политической и социальной ситуации, способность к богословской и «литературной» деятельности. Воплощение этих качеств в личности Варлаама (Высоцкого) делало его наиболее приемлемым кандидатом в патриархи в рамках проекта восстановления этого института церковной власти в барочной Российской империи.

Ключевые слова: история русской культуры, история русской церкви, антропологический подход, человек барокко

Одна из сложнейших и, вероятно, важнейших задач исторически ориентированного гуманитарного знания — понять человека давно ушедшей эпохи, выявить интенции его поступков и высказываний. Это касается любого исторического персонажа, но в особенности тех из них, кому довелось жить в эпоху перемен и переломов, когда происходило приспособление социума в целом и каждого индивида в отдельности к новым условиям политического и культурного бытия.

Для России одной из самых ярких переломных эпох было Петровское время, превратившее ее из позднесредневекового Московского царства в динамично развивающуюся европейскую империю. Воспользовавшись предложенной Я. Буркхардом концепцией «государства как произведения искусства» [1; см. также: 2], мы можем сказать, что Петр I и его предшественники осознанно создавали свое рассчитанное и продуманное творение, ориентируясь на барочную модель государственного устройства и культуры.

Как и Ренессанс, барокко охватывало все сферы жизни социума, в том числе определяло не только развитие различных отраслей культуры, но и судьбы конкретных людей, модели их поведения. Антропология барокко неизменно привлекает внимание как европейских, так и отечественных исследовате-

лей, эта проблематика сохраняет свою актуальность на протяжении уже нескольких десятилетий [см., напр., 3—6 и др.]. При этом она по-прежнему требует внимания специалистов, так как изучение многих ее аспектов все еще пребывает в зачаточном состоянии. В частности, это касается антропологического феномена «человека барокко».

Понятие «человек барокко» использовал Д.С. Лихачев, ставя вопрос о типологии этого образа в европейских и славянских культурах раннего нового времени [7, с. 206]. О «людях барокко» писал А.М. Панченко [8, с. 184]. Проблему «концептуальности человека барокко» в его связи с Богом и миром формулирует М.С. Киселева [9, с. 223—224]. «Габитус», как система прочных приобетенных предрасположенностей¹, человека барокко пока еще не описан, но тот же Д.С. Лихачев пытался уловить его контуры в литературных персонажах, приводя в пример постоянно упоминаемого литературоведами Дон-Жуана, который представлял собой характерный для той эпохи тип вечно мятущейся, изменчивой, изменяющей, ищущей и не находящей свой идеал личности [7, с. 88].

Все вышеназванные и другие исследователи, говоря о человеке эпохи барокко, имеют в виду, прежде всего, его образ, сконструированный в литературе и книжности. Но

предметом исторической антропологии, в области которой специализируется автор данной статьи, является, в первую очередь, изучение человека, реально существовавшего в пространстве конкретной исторической эпохи. Поэтому в качестве «человека петровского барокко» мы попробуем рассмотреть одну из исторических персон этого времени. Для решения поставленной цели мы привлекли методы просопографии, биографики и источниковедения.

В качестве объекта исследования выбраны биография и тексты одного из видных церковных деятелей петровской России — архимандрита Варлаама (Василия Антиповича Высоцкого). Основные события его жизненного пути установлены и относительно неплохо изучены [11, с. 269—278; 12; 13; 14]. Сохранились документы и различные сочинения, к составлению которых он имел непосредственное отношение. Статус Варлаама как духовного лица позволяет рассмотреть его жизнь и деятельность в контексте драматических перемен, сопровождавших реформы церкви и религиозности, и ставших одним из ярких проявлений барочного переустройства русского мира в петровскую эпоху².

Карьера архимандрита Варлаама во многом типична для церковного деятеля, сумевшего достигнуть больших высот в этот период русской истории. Благодаря сохранившимся документам монастырского делопроизводства исследователями его биографии еще в XIX веке было установлено, что он родился в 1664 или 1665 году в селе Домодедово Московского уезда. Кем были его родители, неизвестно. В письменных источниках XVII века неоднократно упоминаются незнатные дворяне Высоцкие, большинство из которых были «иноземцами», выехавшими на службу к русским государям из Речи Посполитой [16]. При этом архимандрит Леонид (Кавелин) указывал, что в списке настоятелей Троице-Сергиевой лавры при имени Варлаама помечено, что он происходил из «великороссов» [12, стлб. 571]. Однако стоит заметить, что в первой трети XVIII века, когда Высоцкий стал троицким архимандритом, родившиеся в Русском государстве потомки тех, кто выехал к Москве в первой половине — середине XVII века, должны были восприниматься уже как «свои» по сравнению с «малороссами»-могилянцами, приглашенными в Россию во второй половине XVII — начале XVIII века в целях укрепления и насаждения благочестия и проведения религиозной реформы. В синодике переславской Накольской пустыни на реке Сольбе XVIII века содержится

ся поминальная запись рода Варлаама (Высоцкого): Род Данилова монастыря архимандрита Варлаама. Игумена схим(ника) Романа, схим(ника) Сергия, Иоакима, Евдокии, Антипы, Ксении, Фомы, Февронии, Иоанна, Марии, Козмы, Никиты, Петра, Иоанна, Герасима, Павла, Козмы [Переславль-Залесский музей-заповедник. Инв. 4310. Л. 40.]. Вероятно, Иоаким и Евдокия — дед и бабка, а Антипа и Ксения — родители нашего героя. Их социальный статус никак не отмечен.

О детских и юношеских годах Василия Высоцкого информации в источниках не обнаружено. Где он получил образование, наличие которого отмечалось современниками и проявлялось в его собственной деятельности, неизвестно. Почему в молодости Василий Антипович оказался в переславском Борисоглебском монастыре, также неясно. В собственной отписке 1722 года по поводу перенесения мощей Корнилия Переславского, будучи в то время уже архимандритом, Высоцкий указывает, что пришел в обитель еще при жизни преподобного [13, с. 354]. При этом принимать монашеский постриг он не спешил и почти в тридцатилетнем возрасте по-прежнему оставался послушником.

Переславль-Залесский оказался благоприятным местом для способного и образованного молодого человека. Здесь он приобрел тот важный как для светского, так и для духовного лица барокко символический капитал, которым будет пользоваться всю жизнь, — близость к царской семье. В переславских монастырях на богомолье часто бывали члены правящей династии. Здесь, на берегах Плещеева озера, строилась «потешная флотилия» молодого Петра I.

Вероятно, на рубеже 1680-х — 1690-х годов Василий Высоцкий познакомился с родной сестрой царя — царевной Натальей Алексеевной, оказывавшей покровительство Борисоглебскому монастырю. Скорее всего, именно по ее протекции в сане белого священника он около 1693 года был переведен в Рождественский собор, что вверху на сених Московского Кремлевского дворца [13, с. 354]. Архимандрит Леонид (Кавелин) предполагал, что иерей Василий Высоцкий, значившийся первым после протопопа Рождественского собора священником, был духовником не только Натальи Алексеевны, но и старших ее сестер (дочерей царя Алексея Михайловича от его первого брака с Марией Ильиничной Милославской) Екатерины, Марфы, Феодосии и Марии, а также будущей царицы Екатерины Алексеевны [12, стлб. 568—569]. Под его духовным попечением, вероятно, находились

также царица Прасковья Федоровна и ее дочери. Об этом будет свидетельствовать в дальнейшем необычайное благоволение к нему императрицы Анны Иоанновны.

Выйдя из монастыря и влившись в белое духовенство, Василий Антипович должен был вступить в брак. Для этой, да и для предшествующей эпохи путь к вершине духовной карьеры через служение священником в храме и обретение семьи не был чем-то исключительным. Вспомним, например, патриарха Никона и архимандрита Григория Неронова. А.А. Титов предполагал, что во вкладной записи на «Триоди», пожертвованной архимандритом Варлаамом в Сергиеву пустынь под Петербургом, вместе с именами его родителей Антипы и Ксении указано имя его супруги — «Мавра» [13, с. 354]. Вполне возможно, что в этом браке, который длился около семи лет, были дети, воспитывавшиеся после пострижения отца по монастырям. Мы не знаем, кем приходились Варлааму те миряне, которые упоминаются в записях его рода в монастырских синодиках после имен его родителей.

Если бы дела шли своим чередом, то в недалеком будущем Василий Антипович Высоцкий оказался бы в новой столице — Петербурге среди придворных священников и духовников. Но в один из важных моментов царствования Петра I его судьба совершила резкий поворот. Согласно ведомости от 22 февраля 1723 года о монашествующих, поданной Переславским Даниловым монастырем в монастырский приказ, в возрасте 35 лет, то есть в 1699 или начале 1700 года, Высоцкий принял монашеский постриг [13, с. 353]. Вероятно, причиной этого было то, что он овдовел.

В этот момент близость к царской власти оказалась для него благодетельной. Царевна Наталья Алексеевна позаботилась о том, чтобы переход недавнего придворного пастыря в новое социальное состояние совершился максимально комфортно. Приняв монашеское имя Варлаам, Высоцкий вернулся в Переславль-Залесский, в монастырской среде которого влияние его духовной дочери было чрезвычайно высоко. В 1704 году он становится игуменом Борисоглебского на песках монастыря, где нес послушание в молодости, а в 1710 году получает сан архимандрита и переводится в настоятели Троицкого Данилова монастыря [13, с. 354].

Возглавивший один из крупнейших переславских монастырей Варлаам наделяется особыми полномочиями — источники того времени свидетельствуют, что он осуществ-

лял надзор за деятельностью практически всех монастырей, находившихся в городе и уезде, кроме патриарших обителей. Это обстоятельство позволило ему развернуться во всю силу своих способностей.

Архимандрит Варлаам олицетворял собой тип деятельной духовной персоны эпохи барокко, для которой внешний эффект от совершаемых поступков был гораздо важнее внутреннего религиозного созидания, присущего монашествующему духовенству предшествующего времени. А.А. Титов справедливо отмечал, что «особенных подвигов благочестивой жизни, за которые старцы пользовались уважением, в жизни архимандрита Варлаама не знаем» [13, с. 354]. Задачи стать почитаемым праведником он перед собой не ставил.

С одной стороны, Варлаам умело распорядился полученным им «административным ресурсом» и немалыми средствами, которые доставляло ему игуменство в богатом Троицком Даниловом монастыре с его более чем тремя тысячами крепостных крестьян. Материальное благополучие этой обители было существенно укреплено в конце XVII века благодаря беспрецедентным вкладам князя И.П. Барятинского. Имеющиеся у него деньги Варлаам тратил на ремонт и поддержание вверенных ему монастырей. Его усердием была возобновлена Вепрева Успенская пустынь. В 1711 году он получил разрешение Петра I на возобновление разоренной еще в Смуту Никольской пустыни на реке Сольбе. Архимандрит Леонид (Кавелин) предполагал, что этому способствовало ходатайство перед государем будущей царицы Екатерины Алексеевны [12, стлб. 574]. В марте 1711 года Екатерина была официально объявлена супругой царя. Возможно, ее хлопоты по поводу получения разрешения на восстановление Сольбинского монастыря были своего рода подарком по этому случаю ее бывшему духовнику и наставнику в православной вере.

Для человека барокко престиж места его службы имел не последнее значение. В этом направлении архимандрит Варлаам, как свидетельствуют материалы синодского следствия, прилагал беспрецедентные усилия, так что его действия входили в противоречие с каноническими нормами и религиозной политикой Петра I. Всеми силами он стремился компенсировать недостаток прославленных святых в находящихся под его опекой монастырях. Он распорядился поднять из-под спуда мощи почитаемого местно Даниила Переславского, всячески способствовал распространению почитания мощей Корнилия

Переславского и Андрея Переславского (князя Смоленского). При его содействии было установлено неофициальное почитание похороненного в Федоровском монастыре схимника Сергия и убитого разбойниками, жившего в Борисоглебском на песках монастыре схимника Адриана.

До 1716 года надежной защитой Варлааму и всем его затеям служила царевна Наталья Алексеевна. Близкая к умершему в 1700 году последнему патриарху Адриану, она имела обширные связи среди русских церковных иерархов и пользовалась их уважением. В дальнейшем он полагался на покровительство царицы Екатерины Алексеевны, с которой состоял в переписке.

Несмотря на царский указ 1717 года об усилении борьбы с раскольниками и то обстоятельство, что с конца XVII века Федоровский женский монастырь Переславля использовался как «режимная» обитель, в которой в особом затворе содержались раскольницы, а раскаявшиеся последовательницы старого обряда находились на перевоспитании [17], Варлаам стал отказываться принимать туда стариц, обращенных из раскола. Возможно, он не хотел доставлять дискомфорт находившимся в монастыре знатым старицам Наталье (Взимковой), Эсфири (Пьянковой) и Исмарагде Прокофьевне [17, с. 133]. Они сохраняли связи с придворными кругами, и архимандрит Варлаам часто упоминал их имена в письмах к царевне Наталье Алексеевне и царице Екатерине Алексеевне.

В 1721 году об этом самоуправстве доносил в Синод обер-инквизитор, архимандрит московского Златоустовского монастыря Антоний. Он отмечал, что архимандрит Варлаам писал ему, чтобы впредь в Переславль раскольников не посылать, так как якобы существует именной царский указ, запрещающий их здесь принимать [12, стлб. 573]. Однако такого указа не было. Вероятно, Варлаам надеялся, что зная о его связях с царицей, никто не будет докапываться до правды. Чтобы раз и навсегда решить эту проблему, Синод издал специальное распоряжение, объявлявшее переславский Федоровский и александровский Успенский монастыри «особо назначенными для ссылки расколических стариц», куда принимать таковых надлежало беспрекословно [18. № 223]. Этот случай стал первым прецедентом, когда архимандрит Варлаам проиграл в столкновении с представителями новой церковной структуры, сформированной Петром I и духовенством из его окружения, состоявшего, в основном, из выходцев с Украины. Он показывает слабость

тогдашней позиции Варлаама Высоцкого, надеявшегося на покровительство царицы Екатерины Алексеевны, не пользовавшейся серьезным влиянием в высших церковных кругах.

Второй раз с образованным в марте 1721 года и просуществовавшим до 1727 года институтом инквизиторов³ архимандрит Варлаам столкнулся уже в феврале 1722 года. Московский протоинквизитор Пафнутий донес в Синод о неумеренной активности Варлаама в прославлении местных святых. В Переславль прибыла комиссия, в которую кроме протоинквизитора входили синодальный обер-секретарь, игумен подмосковного Угрешского монастыря Варлаам (Овсянников) и игумен костромского Ипатьевского монастыря Гавриил (Бужинский), воспитанник Киево-Могилянского коллегиума и горячий сторонник петровских церковных реформ [14, с. 588]. Комиссия обнаружила нарушения «Духовного Регламента» в почитании в переславских монастырях неосвидетельствованных мощей. Мощи преподобного Корнилия Переславского, как не обладающие свойством нетленности, погребли, а раку сломали. Были опечатаны мощи Даниила Переславского и Андрея Смоленского (Переславского), а сени над их гробницами разрушены. О почитании же «новых» святых Сергия и Адриана вообще даже речи не могло вестись. 15 марта последовал указ Синода о нарушениях благоверия в переславских обителях при архимандрите Варлааме. Дело приобрело серьезный оборот. А.А. Титов справедливо предполагал, что от сурового наказания Варлаама спасло только личное заступничество его могущественных покровителей — императрицы Екатерины Алексеевны и первейшего царского фаворита А.Д. Меншикова [13, с. 356].

С этими событиями связаны два любопытных документа, составленных собственноручно архимандритом Варлаамом. Они опубликованы А.А. Титовым [13, с. 356—363] и свидетельствуют об особенностях развития ситуации после рассмотрения дела в Синоде.

Очевидно, Варлаам боялся гнева императора гораздо больше, чем синодских предписаний. После издания в 1721 году «Духовного Регламента» в виде императорского манифеста именно государь сосредоточил в своих руках высшую светскую и церковную власть. Поэтому дальнейшая судьба Варлаама зависела от воли Петра I. В мае 1722 года проштрафившемуся архимандриту удалось подать императору челобитную, содержащую его версию произошедшего.

В тексте челобитной сквозит не искреннее раскаяние ошибшегося в своем излишнем благочестивом рвении служителя церкви, а уверенная ловкость привыкшего к интригам придворного. Варлаам умело объясняет причины неуместного почитания вдруг появившихся в большом количестве в переславских монастырях мощей. Он начинает с главной претензии Синода, касавшейся переноса мощей преподобных Корнилия и Даниила.

К переносу мощей Корнилия Переславского, если верить челобитной, архимандрит Варлаам не имел никакого отношения, ибо в это время был «белым попом в верху в Рождественском соборе» [13, с. 356]. Инициаторами установления почитания «преподобного» и участниками процедуры его местной канонизации он называет бывшего игумена переславского Никольского на болоте монастыря Варлаама, строителя Борисоглебского на песках монастыря Адриана, царевну Наталью Алексеевну, митрополита Дмитрия Ростовского и действующего президента Синода, митрополита Стефана Яворского (во времена местной канонизации Корнилия бывшего митрополитом Рязанским и Муромским). Первых четырех из перечисленных персон к тому времени уже не было в живых, а Стефан Яворский был в немилости у императора, находился под следствием и страдал от болезни, которая вместе с другими бедами свела его в конце того же 1722 году в могилу. Поэтому выяснять, как все происходило на самом деле, и какую роль во всем этом играл Варлаам Высоцкий, было не у кого.

Но при этом оставался еще один скользкий момент — при архимандрите Варлааме, и, скорее всего, по его распоряжению, составлялись посмертные Чудеса Корнилия Переславского. Варлаам мог уповать только на то, что император поверит в его искреннюю наивность: «А я никаких притворных чудес не писывал и никому не веливал, но кто объявлял письменно заручивший такую записку, того монастыря строителям принимать велел, в своей простоте вменял за истину» [13, с. 357].

Может быть, стремлением Варлаама Высоцкого скрыть следы своего участия в прославлении преподобного Корнилия объясняется тот факт, что вторая редакция жития святого, составление которой М.С. Крутова связывает с его именем [21, с. 94], сохранилась только в единственном списке. Житие отличается неплохим литературным стилем и ясностью изложения, что свойственно и другим текстам архимандрита Варлаама, но содержит мало, по сравнению с первой редак-

цией, составленной иеромонахом Иоасафом, подробностей жизни святого в монастыре (Василий Высоцкий пришел в Борисоглебскую обитель за несколько лет до смерти Корнилия и, вероятно, не имел возможности общаться с теми, кто его хорошо знал ранее).

Что касается Даниила Переславского, то, как пишет челобитчик, его «преставление» произошло «в давних летах», «и по чудесам свидетельствовано, и служба сочинена истари, и во имя его церковь построена, и в Прологу житие его напечатано» [13, с. 357]. А перенесение мощей Даниила из придела Троицкого собора в другое, более «удобное» место в том же храме произошло опять-таки по распоряжению «государыни царевны» (Натальи Алексеевны — Л.Б. Сукина) с разрешения митрополита Стефана Яворского [13, с. 357]. Себе же и клиру Троицкого собора Варлаам Высоцкий отводит роль простых исполнителей воли сестры государя, которой они не могли перечить, хотя, разобрав старую гробницу, «обрели мощей кости, как человеческое состояние бывает» [13, с. 357]. В этой части челобитной архимандрит Варлаам не стал притворяться, что не знал, как должны выглядеть «нетленные мощи», и не видел, что состояние останков Даниила Переславского было далеко от «нетленности». Это было бы слишком рискованно, ведь император стремился к тому, чтобы ключевые посты в духовной иерархии занимали просвещенные пастыри, сведущие в канонических вопросах.

Но Варлаам не признается в попытке установления почитания нового святого — схимонаха Сергия. Он утверждает, что в Федоровском монастыре всего лишь «разбирали ветхую, каменную церковь, в которой был положен того монастыря строитель Сергий; а как разбирали, означился гроб, а в нем обвит мантией, как монахов к погребению устроят, и я вынял из того места и поставил в другую церковь к стене, а оной гроб поставил в церковь же, без архиерейского благословения, не почитая за святого по своей простоте» [13, с. 358].

В заключение челобитной архимандрит Варлаам просит императора отпустить в Святейшем Синоде те вины, «которые моею простотою есть погрешение» [13, с. 358].

На челобитной имеется запись, сделанная рукой Петра I: «По сей челобитной, в первых двух, то есть о Даниле и Корнилии, вины нет, понеже митрополитом то чинилось; а о строителе, хотя за святого не почитал, однакож отмену подобную святым чинив без воли архиерейской, — вина есть. Но понеже

сие делал прежде Духовного Регламента и в такое время, что сим везде изгнано, то ради и сию вину отпустить, и сие учинить святейшему Синоду по силе его. Сие объявил светлейший князь Александр Данилович Меншиков в Святейшем Синоде Марта 18 дня 1722 года» [13, с. 358]. То есть решение по делу архимандрита Варлаама было принято императором за два месяца до подачи ему настоящей челобитной. Но Высоцкому было важно самолично доказать Петру I свою невиновность, не смущаясь тем, что при этом он фактически предавал свою покровительницу Наталью Алексеевну и благоволивших к нему Дмитрия Ростовского и Стефана Яворского. Но что стоило косвенное обвинение умершей царевны и митрополитов, одного из которых тоже уже не было в живых, в нарушении благочестия, когда речь шла о сохранении собственного положения и возможности продолжать карьеру. В эпоху барокко высшее духовенство, как и прочие группы социальной элиты, оказалось в положении «слуг государевых», и в качестве таковых не имело права на «самомышление» в вере, какое позволяло себе в предыдущее время.

Любопытно и замечание Петра I о возможности обвинять Варлаама в нарушении «Духовного Регламента» за действия, совершенные в период до его утверждения. В барочном государстве с его стремлением к рациональности в области политики и права царский манифест, какой бы сферы он ни касался, как любой закон обратной силы не имел.

Однако императорское прощение не освободило Варлаама от унижительной для него процедуры публичного покаяния. Ученые архиереи и настоятели — члены Синода, по всей видимости, нисколько не сомневались в том, что архимандрит Троицкого Данилова монастыря организовал в Переславле-Залесском почитание местных праведников вполне осознанно, а вовсе не по своему неразумению. Синодальный указ, запрещающий почитание «мнимых мощей» и требующий от архиереев сочинить «увещание с примеру таково, каково сочинено обретающемуся в Переяславле Залесском Данилова монастыря архимандриту Варлааму» и оное «читать при народе во услышание всем», был напечатан в Московской типографии тиражом 50 экземпляров и разослан по всем епархиям [13, с. 359].

К синодскому указу прилагалось также оттиснутое типографским способом «Исповедание Варлаама», написанное им 10 июня 1722 года. В «Исповедании», рукопись кото-

рого цензурировалась в Синоде, архимандрит Варлаам характеризует свои поступки иначе, чем в своей челобитной к императору. Так, он не осмеливается возлагать вину за прославление Корнилия Переславского на умерших царевну Наталью Алексеевну и митрополита Дмитрия Ростовского и полностью признает свое активное участие в установлении культа его «мнимых мощей». Он пишет: «Исповедуя изъявляю, что аз суетный <...> умершаго схимонаха Корнилия, который от церкви к числу святых не приобщен и, каково святым чествование иконным изображением и призыванием в молитвах и пением молебным бывает, того не удостоен, почитал дерзостью моею и малоразсудством за святого и именовал везде святым, и персону его подобию святых в венце иконникам писать велел, и некоторые его, Корнилиевы, отпадшие от прочих кости к мощем святым приложил, и те кости и малейшия мантий его части в ковчеге содержал, и за святыню почитал, и на память его преподобническую службу и молебны ему отправлял, и прочим священнослужителям отправлять приказывал, и тем подал многим вину таково чествования, какова чинить было не должно» [13, с. 360]. Варлаам знал, что ранее клирики Борисоглебского монастыря поминали Корнилия на панихидах как «грешного человека» и просили для него Божьего заступничества. Он признается, что вводил в заблуждение простолюдинов, которые взирают на духовенство «яко писание знающих», не ожидают «никакому в нас бытии заблуждению и суеверию» и не проверяют правомерность поступков начальствующих лиц духовного звания. Украшенный по распоряжению Варлаама как гробница святого гроб Корнилия и его иконы, как пишет автор «Исповедания», пущенные в народ его «поползновением», «самовольно и дерзостно» заставили мирян поверить в святость умершего четверть века назад схимонаха и ждать исходящих от его мощей чудес [13, с. 361]. Варлаам Высоцкий полностью признает этот грех и кается в нем: «А понеже оное чествование зело дерзостно и неразумно, паче же суеверно, аз суетный учинил и тем многих на такое погрешительное чествование привел и весьма соблазнил» [13, с. 362].

Далее архимандрит Варлаам сознается в том, что в 1716 году задумал выкопать из земли останки преподобного Даниила Переславского, каковые были освидетельствованы еще в 1653 году ростовским митрополитом Ионой Сысоевичем, который, не обнаружив в них признаков «нетленных мощей», велел похоронить гроб с ними в том же мес-

те, где он был найден. На этот раз, чтобы переложить «мощи» Даниила в раку и поместить ее в Троицком соборе, Варлаам и его клир пошли на прямой обман. Высоцкий написал управлявшему тогда патриаршей областью митрополиту Стефану Яворскому, никогда не бывавшему в переславском Даниловом монастыре, что мощи всегда лежали в раке, и братия просто хочет передвинуть ее в удобное место. Таким образом, разрешительный указ Стефана Яворского был получен «ухищренной обманом» [13, с. 362]. Варлаам не скрывает, что создал фактически муляж мощей. Вынутые из земли «человеческие весьма распавшиеся кости» он поместил в монашескую мантию, грудь, руки и ноги сформировал из «хлопчатой бумаги» и приложил «башмаки ветхия» [13, с. 362]. Следующим шагом стало разыгранное Варлаамом представление «переноса мощей», которое также было сплошным обманом: «и тем костем чествование отдавал, как свидетельствованным от церкви святым мощем, и протчих того монастыря обывателей, также и приходящих разночинцев до таковаж чествования привел, и тем многих соблазнил» [13, с. 362].

В «Исповедании» Варлаам уже не скрывал, что хотя и не успел установить почитание иеромонаха Федоровского монастыря Сергия как святого (напомним, что императору он сообщал, что просто временно перенес его гроб из снесенной ветхой церкви в другое место), но собирался это сделать. Он пишет об этом с предельной откровенностью: «К сему еще и иную дерзость аз суетный учинил, а имянно <...> выкопал из земли гроб с погребенными в нем <...> иеромонаха Сергия костми, внес в церковь и поставил в стене с подобною святым отменою, где уже и панихиды ему петы, которыя были б со временем и молебству подобны, и чествованию виновны, как и при гробе вышепомянутаго Корнилия чинено» [13, с. 363].

В завершение «Исповедания» архимандрит Варлаам признает, что за свою «дерзость», «учиненный народу соблазн» и «суеверие» достоин церковного проклятия и жестокой государственной казни, но при этом особо подчеркивает, что благодаря заступничеству императрицы Екатерины Алексеевны уже прощен и императором, и, по императорскому предписанию, Синодом. Человек эпохи барокко не стесняется объявить всем, что находится под протекцией высших лиц государства. Поэтому написание и оглашение «Исповедания» — лишь его нравственный долг, акт благочестия и заботы о благоверии

паствы и собственной душе: «...однакож я, понеже многих, а наипаче здешних обывателей весьма вышеозначенною моею дерзостью и суеверием соблазнил, и до толикого греха привел, признаваю и перед всеми соблазнившимися весьма в том винна и прошу от вас православнии слушателие и от прочих, хотя zde ныне и не прилучившихся, но вышеобъявленным моим соблазном утружденных, снисходительнаго во оном моем погрешении прощения, да не остануся ни под чьею клятвою, и не сумнителен буду в получении и от Всемилоствитаго Бога прощения...» [13, с. 363].

Эта история закончилась для Варлаама относительно благополучно. Он сохранил место архимандрита Троицкого Данилова монастыря, управляющего к тому же другими переславскими обителями, но вынужден был обуздать свою энергию, находясь под наблюдением протоинквизитора Пафнутия. Чтобы выпутаться из сложного положения, в которое попал из-за своей «дерзости» и «суетности», архимандрит Варлаам вынужден был прибегнуть к своему символическому капиталу — близости к императорской семье. Но «тратить» его безрассудно и дальше он уже не рисковал, поэтому некоторое время жил скромно, не заявляя о себе и занимаясь текущими делами.

Но по прошествии полутора лет ситуация стала меняться в пользу Варлаама. В конце 1723 года Петр I, чьего гнева он страшился, почувствовал серьезное недомогание — началась последняя болезнь императора, которая сведет его в могилу [22, с. 556]. В связи с этими событиями растет влияние императрицы Екатерины Алексеевны, с которой архимандрит Варлаам все это время состоял в переписке. И вскоре он возвращается на орбиту столичной и придворной жизни. 7 мая 1724 года Варлаам присутствовал на коронации императрицы Екатерины, а 10 марта 1725 года участвовал в погребении Петра I. С восшествием на престол его покровительницы для архимандрита Варлаама вновь наступает счастливое время. Благодеяния Екатерины не заставили себя долго ждать. Собственноручным письмом императрицы от 14 июля 1726 года Варлаам был оповещен о назначении его настоятелем Троице-Сергиева монастыря. Как отмечал архимандрит Леонид (Кавелин), «отсюда начинается новый период его деятельности и значения» [12, стлб. 574].

Став настоятелем Троице-Сергиева монастыря, Варлаам получил возможность отомстить своему предшественнику на этом

посту Гавриилу (Бужинскому), который, еще будучи игуменом костромского Ипатьевского монастыря, усердствовал в синодской комиссии, искавшей улики по обвинению Высоцкого в прославлении «мнимых мощей». На сей раз уже Варлаам предъявлял Гавриилу обвинения в хищении ценных книг и золотых пананий из монастырской ризницы [14, с. 588].

Тяжба между Высоцким и Бужинским, в то время возглавлявшим Рязанскую епархию, длилась два года и не имела особых результатов, но нервы епископу Гавриилу, вероятно, потрепала.

Обвиняя Гавриила (Бужинского) в воровстве и расточительстве, сам Варлаам показывал пример рачительности и заботы о приумножении благосостояния вверенной ему обители. Его настоятельство в Троице-Сергиевом монастыре оставило по себе добрую память, имевшую, в том числе, и материальное выражение. Монастырская ризница пополнилась драгоценными вещами, среди которых была новая архимандричья митра, украшенная рубином ценой в 20 тысяч рублей, и усыпанная алмазами панания [12, стлб. 575].

При Екатерине I и Петре II в Синоде усилились позиции противников составителя «Духовного Регламента» Феофана (Прокоповича) — архиереев Феофилакта (Лопатинского) и Георгия (Дашкова), отличавшихся более консервативными религиозными взглядами и тяготевших к церковной старине. В связи с этим у Варлаама появилась возможность вернуться к своим излюбленным затеям по прославлению святых, святынь и чудес. В полную силу он развернулся уже в начале царствования Анны Иоанновны. В 1734 году в Троице-Сергиевом монастыре была освящена церковь над гробом ученика Сергия Радонежского Михея, который не был признанным святым. Указом Синода эту церковь было разрешено именовать «во имя явления Пресвятой Богородицы со святыми Апостолами святому преподобному отцу Сергию Радонежскому, при котором сподобился быть и оный Михей» [12, стлб. 574]. Варлаам добился разрешения строительства и церкви Смоленской Богородицы напротив монастырской больницы, на месте, где от иконы Одигитрии, находившейся на стене стоявшей там ветхой палаты, в 1730 году исцелился сухорукый псаломщик. Любопытно, что, согласно показаниям старожилов монастыря, факт чудесного исцеления был установлен придворными врачами, обследовавшими исцеленного по распоряжению императрицы Анны Иоанновны в ее подмосковной резиденции Измай-

лово [12, стлб. 574 и прим. 5]. Храм ввиду недостатка средств был построен при одном из преемников Варлаама — архимандрите Арсении [12, стлб. 575].

При императоре Петре II Варлаам, присутствовавший на его коронации 25 февраля 1728 года, никаких неудобств не испытывал. Но настоящий расцвет его карьеры наступил в правление Анны Иоанновны, духовником которой он, вероятно, был еще в период ее детства и отрочества. Теперь Варлаам стал духовным наставником правящей государыни. При ней Троице-Сергиевой лавре были возвращены села и деревни, переданные Петром I новооснованному Троицкому Александру-Невскому монастырю в Петербурге [12, стлб. 575].

25 мая 1730 года Варлаам был назначен в состав конференции Синода с Сенатом, но деятельно в работе этого органа не участвовал. В 1731 году его кандидатура рассматривалась для замещения Ростовской митрополичьей кафедры, однако выбор был сделан не в его пользу [11, с. 280]. Возможно, в возмещение моральных издержек императрица 17 апреля 1731 года своим указом выделила особое положение архимандрита Варлаама, разрешив ему «в священнослужении все употреблять и поступать, как определено Киевопечерским архимандритам» [12, стлб. 576—577].

Оставаясь архимандритом Троице-Сергиева монастыря, Варлаам Высоцкий вслед за императрицей в 1732 году переехал в Петербург. Там он поселился на Троицком подворье и отправлял службу зимой — в Зимнем дворце, летом — в новопостроенном Летнем доме. Указом императрицы от 13 июня 1732 года ему повелевалось «при отправлении божественной службы, для подаяния осеняльных свеч и послужения, иметь при себе из мирских персон в стихарях, колико пристойно, которых и посвятить ему в чтецы и певцы самому, другим архимандритам не в образец» [12, стлб. 576].

Фигура Варлаама приобрела особое значение и в свете неудавшегося проекта «восстановления благочестия» М.П. Аврамова, по которому троицкому архимандриту предназначалось место патриарха. С.М. Соловьев писал, что этот выбор был сделан в атмосфере разногласий между людьми, желавшими восстановления патриаршества: одни желали патриарха ученого, как покойный местоблюститель Стефан Яворский, другие — не хотели видеть на этом посту «малороссиянина». По мнению историка, «Аврамов, для которого чистота православия и благо-

чества были на первом плане, не думал об учености и остановил свой выбор на духовнике императрицы троицком архимандрите Варлааме, отличавшемся монашескою жизнью, благочестием» [23, с. 236].

Варлаам оказался втянут в интриги против Феофана (Прокоповича), но занял уклончивую позицию, вероятно, не желая рисковать удачно сложившейся карьерой. В итоге он фактически сдал своих соратников: архимандрита Маркелла Радышевского, который по совету Варлаама написал прошение императрице, обличавшее неправославие Феофана, а также острокритические «Возражения» на «Объявление монашества», «Регламент Духовный» и «Книгу о блаженствах», и собственного келейника Иону, распространявшего антифеофановский пасквиль. Первый был приговорен к смертной казни и после помилования оказался в ссылке, а второй закончил жизнь в заточении. Десятки единомышленников Варлаама из Троице-Сергиева монастыря были допрошены в Тайной канцелярии. Варлаам выдал Тайной канцелярии и архиепископа Феофилакта (Лопатинского), искавшего у него помощи для издания «Апокризиса, или Возражения на письмо Буддея». Имя самого Варлаама постоянно фигурировало в делах, связанных с выступлениями духовенства против Феофана (Прокоповича), но его собственное активное в них участие не было доказано [подробнее: 11, с. 269—278; 23, с. 234—239].

Но и Феофан, не пользовавшийся при наследниках Петра таким влиянием, каким он обладал при жизни императора, не мог одолеть духовника императрицы, имевшего прямой доступ к ее особе. Он прибег в борьбе с ним к невиданному до этого времени способу — стихотворной сатире. Вероятно, Варлаам был первым духовным лицом в России, ославленным таким образом. Стихи сочинил близкий к Феофану Антиох Кантемир. В первом варианте сатиры «О различии страстей в человеках к просвященнейшему Феофану, архиепископу Новгородскому и Великолуцкому» личность Варлаама скрыта за образом древнеримского полководца и сенатора Фабия, который считался символом старой римской добродетели [24]:

Кто же Фабия описать может вид и нравы?

Те, сколь извне суть красны, столь внутри неправы. <...>

Кто не знает внутренний строй притворна мужа —

Солнцем его назовет, а он — гнусна лужа.

Тих видом, а сердцем — тигр; в людях богомолен,

Лакомством как мех надут и гордостью болен [25, с. 381].

После отъезда в 1732 году в Лондон, пребывая за границей в качестве русского посланника, А.Д. Кантемир переписал этот фрагмент сатиры, прямо назвав имя того, кто в нем высмеивается, и заострив его характеристику, местами переходя грань приличия:

Варлаам смирен, молчалив; как в палату войдет —

Всем низко поклонится, ко всякому подойдет;

В угол свернувшись потом, глаза в землю втупит;

Чуть слышать, как говорит; чуть — как ходит, ступит.

Бесперечь четки в руках, на всякое слово

Страшное имя Христа в устах тех готово.

Молитвы петь и свечи класть склонен без меры,

Умильно десятую в час выхваляет веру
Тех, кои церковную славу расширили
И великолепный храм божий учинили;
Души-де их подлинно будут наслаждатьсяся

Вечных благ. Слово к чему, можешь догадаться:

О доходах говорить церковных склоняется;

Кто дал, чем жиреет он, того похваляет,
Другое всяко дело не столь годно богу;
Тем одним легку можем сыскать в рай дорогу.

Когда в гостях, за столом — и мясо противно,

И вина не хочет пить, да то и не дивно:
Дома съел целый каплун, и на жир и сало

Бутылки венгерского с нуждой запить стало.

Жалки ему в похотях погибшие люди,
Но жадно пялит с-под лба глаз на круглы груди,

И жене бы я своей заказал с ним знаться.

Бесперечь советует гнева удаляться
И досады забывает, но ищет в прах стерти

Тайно недруга, не даст покой и по

смерти;

И себя лстя, бедный, мнит: так как человеки,

Всевидцы легко прельщать бога вышняя веки [25, с. 94].

Трудно сказать, насколько эта едкая характеристика соответствует реальной личности Варлаама, исторические источники не дают нам для этого достаточно информации. Историк, как отмечал С.М. Соловьев, «не может произносить своего суда, выслушавши только одну сторону, не может основываться на сатирическом представлении Варлаама, сделанном противниками» [23, с. 236]. Полускрытое противостояние архиепископа и архимандрита закончилось со смертью одного из них. 12 сентября 1736 года Варлаам (Высоцкий) участвовал в погребении Феофана (Прокоповича) [14, с. 589].

В 1733 году императрица Анна Иоанновна подарила своему духовнику мызу на Петергофской дороге, которая раньше принадлежала ее умершей сестре Екатерине Иоанновне. Архимандрит Варлаам устроил там небольшую Троице-Сергиеву пустынь, куда любил удаляться в последние годы своей жизни. Видимо, в это же время он построил белокаменную церковь в селе Домодедово, где когда-то родился. Варлаам умер 27 июля 1737 года и был похоронен в Троице-Сергиевой пустыни под Петербургом, в устроении его погребения приняла участие императрица Анна Иоанновна [12, стлб. 580].

Биография архимандрита Варлаама (Высоцкого) позволяет выделить некоторые характерные особенности «габитуса» духовного лица эпохи петровского барокко. Среди них важнейшими являются стремление приблизиться к носителям императорской власти и сохранять эту близость всеми возможными способами, связи с представителями духовной иерархии, административная активность, выражающаяся в желании занимать важные посты и участвовать в работе органов церковного управления и надзора, деятельное отношение к вопросам благочестия, навыки участия в интригах, умение занять уклончивую позицию с возможностью многовариантных путей выхода, высокая приспособляемость к меняющейся политической и идеологической ситуации, требованиям момента. Несмотря на то, что для любого человека церкви наиболее существенным свойством является благочестие, хотя бы в его внешних формах, в эту эпоху возрастает и значение «учености», способности к богословской и «литературной» деятельности. Возможно,

выдвижение фигуры Варлаама в патриархи в рамках проекта восстановления этого института церковной власти в барочной Российской империи произошло как раз потому, что он соединял в себе все вышеназванные качества.

Примечания

¹ О применении понятия «габитус» (Н. Элиас, П.Бурдьё) в социально-исторической антропологии [см.: 10, с. 39—40].

² Создание Петром I новых имперских институтов власти и культуры может быть рассмотрено, в том числе, и в контексте формирования новой «петровской политической теологии» [см.: 15].

³ Инквизиторы находились в структуре синодального управления и осуществляли надзор за соблюдением церковных законов, поступками церковных властей, соблюдением казенных интересов в сборе пошлин и распоряжении церковным имуществом [19; 20].

Список литературы

1. Буркхард Я. Культура Возрождения в Италии. Опыт исследования. — М.: Юрист, 1996. — 591 с.
2. Государство как произведение искусства: 150-летие концепции / Институт философии РАН; Московско-Петербургский философский клуб; Отв. ред. А.А. Гусейнов. — М.: Летний сад, 2011. — 288 с.
3. Maravall J.A. La cultura del Barroco. Análisis de una estructura histórica. — Barcelona, 1975. — 536 p.
4. Делёз Ж. Складка. Лейбниц и барокко. — М.: Логос, 1997. — 264 с.
5. Панченко А.М. Развитие барокко и зарождение классицизма в России XVII—XVIII вв. — М.: Наука, 1989. — 233 с.
6. Человек в культуре русского барокко. Сб. статей по материалам международной конференции / Отв. ред. М.С. Киселева. — М.: ИФ РАН, 2007. — 613 с.
7. Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X—XVII веков. — Л.: Наука, 1973. — 254 с.
8. Панченко А.М. Русская культура в канун петровских реформ. — Л.: Наука, 1984. — 205 с.
9. Киселева М.С. Интеллектуальный выбор России второй половины XVII — начала XVIII века: от древнерусской книжности к европейской учености. — М.: Прогресс-Традиция, 2011. — 472 с.
10. Козлова Н.Н. Социально-историческая антропология. — М.: Ключ-С, 1998. — 156 с.
11. Чистович И.А. Феофан Прокопович и его время. — СПб.: тип. Имп. АН, 1868. — X, 751, [1] с.
12. Леонид (Кавелин), архимандрит. Архимандрит Варлаам // Русский архив. — 1874. — Кн. 1. — № 2. — Стлб. 568—588.
13. Титов А.А. Архимандрит Варлаам Высоцкий (из архивных дел XVIII века) // Русский архив. — 1901. — № 3. — С. 353—363.
14. Алексеев А.И. Варлаам // Православная

энциклопедия. — М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2003. — Т. 6. — С. 588—589.

15. Зицер Э. Царство Преображения: Священная пародия и царская харизма при дворе Петра Великого. — М.: НЛО, 2008. — 240 с.

16. Высоцкий А.П. Дворяне Высоцкие в Московском государстве и Российской империи: [Электронный ресурс]. URL: <http://wysocki.nsknet.ru/razdely-sajta/dvorjane-vysockie-v-moskovskom-gosudarstve-20137/> (дата обращения: 29.11.2016).

17. Левицкая Н.В. К истории переславского Федоровского монастыря в конце XVII — начале XVIII в. // Тр. всерос. научной конф., посвящен. 300-летию юбилею отечеств. флота. — Переславль-Залесский, 1992. — Вып. I. — С. 131—133.

18. Описание документов и дел, хранящихся в архиве святейшего правительствующего Синода. — СПб., 1868. — Т. 1. — 746 с.

19. Барсов О.В. О светских фискалах и духовных инквизиторах // Журнал Министерства Народного Просвещения. — 1878. — Февраль. — С. 307—400.

20. Барсов О.В. Синодальные учреждения прежнего времени // Христианское чтение. — 1886. — Ноябрь-декабрь. — С. 557—561.

21. Крутова М.С. О жизни преподобного Корнилия Переславского // Житие и подвиги преподобного отца нашего Корнилия Переславского чудотворца / Публикатор, переводчик, составитель М.С. Крутова. — М.: Пашков дом, 2013. — 128 с.

22. Павленко Н.И. Петр Великий. — М.: Мысль, 1994. — 591 с.

23. Соловьев С.М. Сочинения. — М.: Мысль, 1993. — Кн. X, т. 19—20. — 751 с.

24. Beck H. Quintus Fabius Maximus: Musterkarriere ohne Zögern // Von Romulus zu Augustus. Große Gestalten der römischen Republik. — Munich, 1997. — S. 79—91.

25. Кантемир А.Д. Собрание стихотворений / Вступ. ст. Ф.Я. Приимы. Подг. текста и прим. З.И. Гершковича. — Л.: Сов. писатель, 1956. — 543 с.

Сукина Людмила Борисовна, доктор исторических наук, профессор ФГБОУ МПГУ (Сергиево-Посадский филиал), зав. кафедрой гуманитарных наук ЧОУ ВО Институт программных систем «УГПИ имени А.К. Айламазяна» (Переславль-Залесский); lbsukina@gmail.com.

VARLAAM (VYSOTSKIY) — CLERIC OF THE EPOCH OF THE PETRINE BAROQUE

Liudmila B. Sukina

(Moscow, Sergiev Posad, Pereslavl-Zalesky, the Russian Federation)

The article is devoted to the study of the phenomenon of the "Petrine baroque man" on the basis of the analysis of the biography and texts of Varlaam (Vysotsky), a prominent religious figure of that era. The work is carried out in line with the anthropological approach to the baroque culture which has been developed in the works of European and Russian researchers in the past half century. To solve this problem, methods of prosopography, biography, and source study are used. Relying on historiographical materials and historical sources the author tries to reconstruct the "habitus" of the cleric of the Petrine Baroque epoch, to distinguish his most important characteristic features such as proximity to the state power, administrative activity, proactive approach to piety, skills of participation in court and church intrigues, high adaptability to the changing political and social situation, ability to theological and "literary" activities. The embodiment of these qualities in the person of Varlaam (Vysotsky) made him the most acceptable candidate for patriarchy as a part of the project to restore this institution of ecclesiastical authority in the baroque Russian Empire.

Key words: history of Russian culture, history of Russian Orthodoxy, anthropological approach, baroque man